

Отъ Совѣта Арзамасской второклассной церковно-приходской школы.

Совѣтъ Арзамасской второклассной женской церковно-приходской школы доводитъ симъ до свѣдѣнія желающихъ поступить въ эту школу, что послѣднія должны подавать прошенія на имя Завѣдывающаго школой не позднѣе 25 Августа, при прошеніи представлять свидѣтельство объ окончаніи курса одноклассной школы, метрическую выписку о рожденіи и удостовѣреніе врача о привитіи оспы.

Приемныя испытанія въ 1 отдѣленіе II класса имѣютъ быть 1 Сентября, 2-го переэкзаменовки ученицамъ 1 отдѣленія, 3-го—переэкзаменовки ученицамъ 2 отдѣленія, а 5 числа—молебенъ предъ началомъ ученія.

Всѣ ученицы взносы за свое содержаніе въ общежитіи училища обязуются представлять, при своемъ поступленіи, впередъ по третямъ: въ Сентябрь, Январѣ и Апрѣлѣ, одежду и постельное бѣлье имѣть свое. Плата за содержаніе остается прежняя: четыре рубля за учебный мѣсяць, или 36 рублей въ годъ.

НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

1-го Августа.

№ 15 й

1905 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

Серафимовскій Домъ Призрѣнія для заштатнаго духовенства.

(О К О Н Ч А Н І Е).

Серафимовскій Домъ Призрѣнія, одной стѣной своей тѣсно примыкая къ Макарьевской Богадѣльнѣ, фасадомъ своимъ выходитъ на Малую Печерскую улицу. Идущему по направленію отъ Осыпной ул. по той сторонѣ Малой Печерки, гдѣ находится Домъ Призрѣнія, легко принять часть выступающаго изъ-за зданія Макарьевской Богадѣльни Дома за отдѣльный новый храмъ. Архитекторъ въ высшей степени удачно воспользовался поворотомъ улицы отъ Макарьевской Богадѣльни влѣво. Тотъ уголъ зданія, гдѣ помѣщается храмъ во имя Преподобнаго Серафима, какъ бы выдвинутъ изъ линіи постройки и ввысь и вдалѣ. Удлиненныя окна,

легкая и изящная часовня-звонница, все это позволяет царить надъ всѣми остальными частями постройки той части дома, гдѣ помѣщается храмъ. На фонѣ окраски дома подъ кирпичъ рельефно отдѣляются бѣлаго пвѣта подѣлки: карнизы, оконные косяки.... Все зданіе представляетъ изъ себя очень красивый видъ.

Надъ параднымъ входомъ помѣщена живописной работы картина, изображающая Преподобнаго Серафима, принимающаго въ лѣсу посѣтителей. Эта картина должна напоминать всѣмъ приходящимъ, въ честь какого радушнаго Гостепріимца раскрыты двери пріюта для престарѣлыхъ и убогихъ священнослужителей.

Парадный ходъ нѣсколькими ступечьками ведетъ на небольшую площадку. На стѣнѣ съ лѣвой стороны прибита мраморная доска, на которой золотыми буквами изображена слѣдующаго содержания надпись: „Серафимовскій Домъ Призрѣнія престарѣлыхъ и убогихъ заштатныхъ священноцерковнослужителей Нижегородской епархіи сооруженъ въ гор. Нижнемъ-Новгородѣ въ 1904—1905 гг. по желанію и на средства благотворителя, Потомственнаго Почетнаго Гражданина Александра Ивановича Пріѣзжева, въ честь и память Преподобнаго и Богоноснаго Отца Серафима, Саровскаго Чудотворца, въ царствованіе Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая II, при Преосвященнѣйшемъ Назаріи, Епископѣ Нижегородскомъ и Арзамасскомъ, Строительнымъ Комитетомъ подъ председательствомъ Каѳедральнаго протоіерея Алексѣя Александровича Порфирьева, по проекту и при наблюденіи архитектора Николая Михайловича Вешнякова. Открытъ 19-го Іюля 1905 г., въ день памяти Преподобнаго Серафима“. Свѣтлая лѣстница, освѣщаемая большимъ окномъ-дверью на балконъ, во

второмъ верхнемъ этажѣ заканчивается также площадкой. Предъ глазами входящихъ по лѣстницѣ на стѣнѣ площадки помѣщается живописной работы изображеніе Спасителя, окруженнаго убогими и немощными, съ надписью: „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы“. Вправо съ площадки дверь ведетъ въ храмъ. Очень большія окна даютъ много свѣта. Дубовый трехъярусный иконостасъ производитъ очень пріятное впечатлѣніе на зрителя прежде всего сочетаніемъ темнаго фона рѣзьбы съ чеканными золотыми полями иконъ. Верхъ иконостаса увѣнчанъ золотымъ крестомъ и золотыми рѣзными изображеніями херувимовъ. Нижній подъярусъ всего иконостаса ажурной работы, затянутъ изъ алтаря красной матеріей одинаковой съ занавѣсью. Всѣ иконы, какъ въ иконостасѣ, такъ и въ заклиросныхъ кіотахъ, лучшей художественной работы (исполнены московскимъ художникомъ).

Вся церковная утварь очень цѣнна и изящна. Таковы: дарохранительница, Евангелія, напрестольные кресты, паникадило, семисвѣчникъ и подсвѣчники. Все благолѣпно, но и во всемъ видна забота строителя, чтобы не было въ храмѣ ни одного предмета, кричащаго о себѣ особой вычурностью, или несоотвѣтствіемъ общему впечатлѣнію. Только въ некоторыми легкими штрихами выдѣляется то, что принадлежитъ собственно славѣ Покровителя св. храма сего, Преподобнаго Серафима; такъ, вокругъ иконы его возложена гирлянда искусно сдѣланныхъ цвѣтовъ, предъ иконой его виситъ одного размѣра съ другими, но болѣе украшенная, лампадка, предъ иконой поставленъ подсвѣчникъ съ красивой эмалевой уборкой. Въ общемъ же Серафимовскій храмъ представляетъ изъ себя гармоничное сочетаніе простоты Серафимовской кельи съ благолѣпіемъ, присущимъ Божію Дому.

Собственно пріютъ для призрѣваемыхъ состоитъ изъ 3-хъ палатокъ въ верхнемъ этажѣ и изъ пяти въ нижнемъ этажѣ. Размѣры этихъ палатокъ 10×8 аршинъ, три же меньшихъ размѣровъ, 7×8 аршинъ. Комнаты эти очень высоки и свѣтлы. Кромѣ того, въ подвальномъ этажѣ имѣется помѣщеніе для столовой, кухни, квартиры эконома и служительской.

Въ настоящее время одна палатка уже занята жильцами: двое священниковъ, трое псаломщиковъ, одинъ убогій духовнаго званія и временно—сынъ одного изъ псаломщиковъ—мальчикъ лѣтъ 12—13. Въ комнатѣ уютно и чисто. Койки покрыты новыми краснаго цвѣта байковыми одѣялами, въ изголовьяхъ положены средняго размѣра подушки. Между кроватями имѣются шкафчики-тумбы. Къ кроватямъ прикрѣплены дощечки съ надписями: Кровать имени Александра Ивановича Пріѣзжева, учрежденная Преосвященнѣйшимъ Назаріемъ Протоіерея Іакова и Маріи, — родителей Преосвященнаго Назарія, имени Преосвященнаго Назарія, Протоіерея Іоанна Ильича Сергіева, Ксеніи Дмитриевны Соколовой, Іоанна Васильевича Пріѣзжева, Натальи Алексѣевны Пріѣзжевой (родителей г. строителя дома), Елизаветы Θεодоровны Самариной. Мы застали призрѣваемыхъ за мирными бесѣдами. На вопросъ, какъ привыкаютъ они, отвѣчаютъ: „можно Бога благодарить, вотъ почитать бы только чего“. Упомянутый выше убогій чувствуетъ недомоганье и ожидаетъ возвращеннаго ему скорого пріѣзда доктора. Одѣты призрѣваемые неказисто: кой-гдѣ на подрясникахъ виднѣются неискусно сдѣланныя заплаты. Конечно, городское духовенство не дастъ имъ ходить въ рваныхъ подрясникахъ: изъ поношеннаго можно выбрать приличное, и въ книгахъ для чтенія недостатка у призрѣваемыхъ не будетъ. Но дороже всего оцѣнены будутъ призрѣваемыми наши личныя посѣщенія ихъ пріюта, особенно теперь, когда они

только-что поселились на новомъ мѣстѣ и не свыклись еще съ новымъ положеніемъ. Призрѣваемые ежедневно участвуютъ при богослуженіяхъ, читаютъ и довольно стройно поютъ. Въ свободное время они имѣютъ возможность гулять въ садикѣ, заботливо разбитомъ строителемъ на дворѣ при Домѣ Призрѣнія.

19-е Іюля 1905 года останется навсегда незабвеннымъ для духовенства Нижегородской епархіи. Въ то время, когда въ среднемъ обществѣ чаще и чаще встрѣчаются не оправдываемыя дѣйствительностью преувеличенныя мнѣнія о благосостояніи духовенства, когда крестьяне склонны видѣть въ сносномъ существованіи духовенства доказательство даже богатства его, нашелся человекъ, горожанинъ, который, имѣя предъ глазами дѣйствительно болѣе обеспеченное духовенство, сдѣлалъ правильный подсчетъ нашимъ бюджетамъ и не остановился передъ мыслью затратить значительный капиталъ на одну изъ насущныхъ нуждъ духовенства. Девятнадцатаго Іюля молитвенно освященъ Серафимовскій храмъ и Домъ Призрѣнія, и духовенство епархіи получаетъ новое побужденіе къ усердному прохожденію служенія своего.

Священникъ В. Гашипскій.

Изъ Епархіальной хроники.

Въ день открытія Нижегородской ярмарки, 15-го Іюля, Преосвященнѣйшій Назарій, по окончаніи поздней литургіи въ Спасскомъ Ярмарочномъ соборѣ, прослѣдовалъ съ крестнымъ ходомъ въ Макарьевскую часовню, гдѣ совершилъ водосвятный молебенъ. По окончаніи молебна и окропленіи св. водой ярмарочныхъ флаговъ, крестный ходъ возвратился въ соборъ обратно.

Въ Воскресенье, 17-го Іюля, Преосвященнѣйшимъ Назаріемъ совершенно освященіе придѣла въ Воскресенской городской церкви въ честь Преподобнаго Серафима. По окончаніи освященія здѣсь же Преосвященнѣйшимъ совершена была и Литургія.

День памяти Преподобнаго и Богоноснаго Отца Серафима, Саровскаго Чудотворца, 19-го Іюля, ознаменованъ открытіемъ Серафимовскаго Дома Призрѣнія для заштатнаго духовенства. Торжество открытія началось служеніемъ параклисиса наканунѣ предъ всею ночью Всенощную совершалъ Преосвященнѣйшій Назарій при участіи оо. протоіереевъ и священниковъ, членовъ Строительнаго по Дому Призрѣнія Комитета, а также одного заштатнаго іерея, принятаго въ число призрѣваемыхъ. Расчитанный на небольшое количество посѣтителей храмъ Серафимовскаго Дома не могъ вмѣстить всѣхъ, желающихъ помолиться въ немъ: многіе стояли на лѣстницахъ, площадкахъ и въ корридорахъ Дома Призрѣнія. Въ 8 часовъ утра 19-го Іюля Преосвященнѣйшій Назарій въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Исидоромъ и при участіи упомянутаго выше духовенства началъ совершеніе освященія Серафимовскаго храма, по окончаніи же освященія совершена была Литургія и молебенъ Преподобному Серафиму. За Литургіей священникомъ Георгіевской церкви М. Парійскимъ произнесено было приличное торжеству слово. По окончаніи богослуженія за трапезой, приготовленной въ одной изъ комнатъ, предназначенныхъ для призрѣваемыхъ, принесены были Преосвященными, духовенствомъ и почетными гостями поздравленія и привѣтствія Александру Ивановичу Призжеву, щедрому строителю храма и Дома Призрѣнія. — Исполнились благія намѣренія благодѣтеля, совершилось, по молитвамъ Угодника Божія

Серафима, задуманное добрымъ человекомъ дѣло призрѣнія немощныхъ, престарѣлыхъ и убогихъ служителей церкви Божіей! Помянуть въ своихъ молитвахъ раба Божія Александра не только тѣ священноцерковнослужители, которые нашли уже добрый, необходимый по ихъ немощамъ, пріютъ въ Домѣ Призрѣнія, но и тѣ, полные силъ, служители Церкви, которымъ близки эти нашедшіе пріютъ старцы, которымъ дорого сознание, что и ихъ будущее уже не такъ безотраднo, не такъ грозно.

На другой день послѣ открытія Дома Призрѣнія Преосвященнѣйшій Назарій совершилъ въ новоосвященномъ храмѣ панихиду по усопшихъ родителяхъ Преподобнаго Серафима Исидоръ и Агафіи и тѣхъ лицъ, въ память коихъ учреждены стипендіи, и тѣмъ положилъ начало вѣчному поминовенію ихъ въ семъ святомъ храмѣ.

Въ день Тезоименитства вдовствующей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, 22-го Іюля, Преосвященнѣйшій Назарій совершалъ Литургію, а послѣ оной молебенъ въ Александрo-Невскомъ ярмарочномъ соборѣ.

Въ этотъ-же день Владыка отбылъ чрезъ г. Семеновъ въ село Воскресенское для освященія храма, заново отдѣланнаго.

Наканунѣ праздника Преподобнаго Макарія, Желтоводскаго Чудотворца, 24-го Іюля, всею ночью бдѣніе съ чтеніемъ акаѳиста, а въ самый день праздника — Литургію въ Спасскомъ ярмарочномъ соборѣ совершалъ Преосвященнѣйшій Исидоръ. Послѣ Литургіи Его Преосвященство сопровождалъ крестный ходъ вокругъ ярмарочнаго Гостиного двора.

Священникъ В. Гаинскій.

Слово къ ревнителямъ двуперстія. *)

Нынѣ съ особенной торжественностію Св. Крестъ изнесенъ изъ алтаря; онъ предъ нашими очами; ему поклонялись мы, его лобызали, предъ нимъ мы молились Распятому на немъ Господу Іисусу.

Свою вѣру въ Единороднаго Сына Божія, распятаго на крестѣ, мы ежедневно исповѣдуемъ въ слѣдующихъ словахъ: „Вѣрую въ Господа Іисуса Христа, распятаго за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ и страдавша и погребенна...“. Въ этихъ словахъ Правосл. Церковь излагаетъ ученіе о томъ, что воплотившійся Сынъ Божій совершилъ наше спасеніе не жизнью только и ученіемъ Своимъ, живя на землѣ 33½ года, но и страданіями крестными, смертію и погребеніемъ.

Святые 4 Евангелиста, бывшіе непосредственными очевидцами и слышателями Іисуса Христа, записали для насъ жизнь и чудныя спасительныя дѣла Его на землѣ. Изъ евангельскихъ повѣствованій мы видимъ, что вся земная жизнь Христа Спасителя отъ рожденія Его въ вертепѣ и до Голговы была рядомъ уничиженія, послушанія и покорности волѣ Божіей и терпѣливаго перенесенія всяческихъ оскорбленій отъ тѣхъ, для спасенія которыхъ Онъ и приходилъ на землю. Въ то время, когда Онъ въ Своихъ божественныхъ чудесахъ и ученіи проявлялъ Себя благодѣтелемъ страждущаго человечества и учителемъ божественной премудрости, враги этой самой премудрости, возлюбившіе тьму паче свѣта, возненавидѣли Его, Святѣйшаго оклеветали въ тяжкихъ преступленіяхъ предъ судомъ римскаго правительства. И вотъ Судія всей вселенной приводится связаннымъ на судъ несправедливѣйшихъ

*) Произнесено съ нѣкоторымъ дополненіемъ въ церкви Нижегородской Печерской Слободы въ недѣлю Крестопоклонную 1905 г.

людей и осуждается на позорную смерть, какъ одинъ изъ уголовныхъ преступниковъ. Римскій правитель Іудей, Понтій Пилатъ, утверждаетъ смертный приговоръ.

Такъ на крестѣ пригвожденный за насъ и со незаконными вмѣненный святѣйшій Богочеловѣкъ, понесшій ужаснѣйшія страданія по человѣческой природѣ, въ послушаніи волѣ Бога-Отца испустилъ духъ Свой на крестѣ, молясь за своихъ распинателей (Лук. XXIII, 34). Его крестныя страданія и смерть были безконечно великою и святѣйшею жертвою Богу-Отцу за грѣхи всехъ людей, а крестъ, обогранный Его пречистою кровію, изъ позорнаго орудія казни и проклятія сталъ святѣйшимъ жертвенникомъ, на которомъ принесена безконечно великая жертва, сталъ источникомъ жизни и непобѣдимымъ оружіемъ на супостата. Принесемъ же со умиленіемъ благодареніе Христу Спасителю нашему, пострадавшему за наши грѣхи для нашего спасенія, поклонимся страстямъ Христовымъ и почитимъ животворящій крестъ Его не за число его концовъ, какъ дѣлаютъ старообрядцы, а за то, что онъ освященъ безцѣнною кровію Спасителя.

Со временъ свв. апостоловъ въ Православ. Церкви Христовой утвердился обычай вѣрующихъ ограждать себя крестнымъ знаменіемъ. „Многа и велика Церковь иматъ отъ неписаннаго преданія, и первое есть еже вѣрнымъ крестообразно лице знаменовати“, писалъ Св. Василій Великій (Кормч. л. 249) „Преданіе пріяхомъ съ начала вѣры отъ Св. Апостоль и Св. Отець и Св. седми Соборовъ творити знаменіе Честнаго Креста“, говорили восточные патріархи нашему рус. патріарху (Скрижаль, отвѣтъ патр. Макарія п. Никону). Основаніемъ обычая сего послужило распятіе Господа нашего Іисуса Христа на крестѣ. Слѣдовательно, когда мы ограждаемъ себя крестнымъ знаменіемъ,

должны размышлять о Христѣ, распятомъ на крестѣ, воспоминать Его страданія и ихъ спасительныя дѣйствія для насъ грѣшныхъ.

Крестное знаменіе мы должны полагать на себѣ благоговѣнно, истово, съ вѣрою; должны полагать не только во время молитвы, но и всегда: да не стыдимся исповѣдывать Распятого, училъ св. Кириллъ Іерусалимскій, съ дерзновеніемъ да изображаемъ рукою знаменіе креста на челѣ и на всемъ: на хлѣбѣ, который вкушаемъ, на чашахъ, изъ которыхъ пьемъ; да изображаемъ его при входахъ, при выходахъ, когда ложимся спать, или встаемъ, когда находимся въ пути и отдыхаемъ. Онъ—великое предохраненіе, данное бѣднымъ въ даръ и слабымъ безъ труда... Это благодать Божія—знаменіе для вѣрныхъ и страхъ для злыхъ духовъ, потому что посредствомъ онаго побѣдилъ Онъ (Христосъ) ихъ, изведши въ позоръ со дерзновеніемъ“ (13 огласить поуч.). Видите, братіе, если съ вѣрою ограждаемъ знаменіемъ крестнымъ, то и бѣсы бѣгутъ далече, не терпя силы креста.

Крестное знаменіе усмиряетъ наши плотскія страсти. Въ одной духов. книгѣ: „Лимонарь *)“ рассказываетъ, что въ нѣкоемъ монастырѣ былъ монахъ, пресвитеръ Кононъ, которому поручено было крестить всѣхъ новообращенныхъ изъ язычниковъ ко Христу. Когда Кононъ крестилъ женщинъ, всегда соблазнялся мыслью и горько плакалъ о своей слабости. Желая сохранить себя отъ паденія, онъ тайно ушелъ изъ монастыря. На пути встрѣтился ему Іоаннъ Креститель и убѣждалъ Конона возвратиться въ монастырь къ своему дѣлу. Кононъ

*) Такое названіе имѣетъ книга Софронія, патриарха Іерусалимскаго, содержащая въ себѣ собраніе повѣстей о дѣяніяхъ нѣкоторыхъ пустынножителей святыхъ. Книга эта была переведена на славянскій языкъ и напечатана въ 1628 г.

не соглашался, объясняя причину удаленія своего. Тогда Креститель троекратнымъ осѣненіемъ крестомъ навсегда умертвилъ страсть Конона (гл. 3). Въ томъ же „Лимонарѣ“ о св. Іуліанѣ рассказывается, что нѣкоторые граждане, возненавидѣвъ его, подговорили отрока дать святому яду въ питіи. Подкупленный отрокъ такъ и сдѣлалъ. Святой же, прозрѣвъ нечестивый совѣтъ, взялъ чашу, поставилъ предъ собою, а отрока послалъ созвать всѣхъ знатныхъ гражданъ, между которыми были и лица, подговорившія отрока убить Іуліана ядомъ. Когда они собрались, святой, обратившись къ нимъ, сказалъ: „аще вы мните смиреннаго Іуліанія отравою уморити, се предъ всѣми вами ядъ той, отъ васъ мнѣ уготованный, испиваю, и знаменуя десницею чашу, трижды творя на ней крестное знаменіе, рече: во имя Отца и Сына и Святаго Духа испиваю чашу, предъ вами и, испивъ чашу всю, пребысть безъ вреда“ Устрашенные чудомъ заговорщики пали къ ногамъ Святителя, прося прощенья въ содѣянномъ грѣхѣ (гл. 94).

Св. первомученица Фекла крестнымъ знаменіемъ избавилась отъ сожженія (Сент. 24). Преп. Марія Египц., осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ рѣку Іорданъ, прошла по ней, какъ по суху (Апр. 1). Вотъ какова сила крестнаго знаменія, если мы совершаемъ его съ вѣрою въ Распятого Спасителя, и вотъ почему св. Кирил. Іер. и вся св. Церковь заповѣдуетъ намъ какъ можно чаще творить крестное знаменіе, но творить его истово, съ благоговѣніемъ и вѣрою и тогда благословеніе Господне будетъ всегда съ нами.

Какимъ же образомъ мы должны творить крестное знаменіе, о чемъ такъ любятъ говорить наши старообрядцы. По ученію Православной Греко-Россійской Церкви, должно изображать крестъ правою рукою; полагая на чело 3 большіе перста,

говори: во имя Отца, потомъ, ниспустивъ руку въ томъ же видѣ на перси (грудь), говори: и Сына; отселѣ перенося руку на правое плечо и проводя до лѣваго, говори: и св. Духа. Сдѣлавъ на себѣ сіе св. знаменіе креста, заключи словами: аминь“ (Пр. Испов. вѣры отв. 51). Вотъ повелѣніе св. Церкви. „Но, скажутъ намъ старообрядцы-двуперстники, вы учите, что нужно креститься троеперстно, а вотъ мы — двуперстно, такъ какъ-же это? Не погрѣшимъ-ли мы, и можемъ-ли мы молиться въ храмѣ, гдѣ священникъ молится троеперстно? Отвѣтъ на это недоумѣніе св. Церкви таковъ: перстосложеніе для крестнаго знаменія, буде то троеперстное, или двуперстное, не есть еще догматъ вѣры неизмѣнный, а есть обрядъ, который св. Церковь по своему усмотрѣнію можетъ измѣнять. Персты—это только вещество къ образованію догмата, какъ краски служатъ веществомъ для написанія иконъ. И потому тѣми или другими перстами изображать св. Троицу и воплощеніе Господне съ правою мыслью не есть еще измѣненіе или нарушеніе вѣры. Если же мы будемъ соединять съ тѣмъ или другимъ перстосложеніемъ неправыя мысли, неправоe ученіе, тогда будетъ уже погрѣшность. Въ глубокой древности было одноперстіе, употреблявшееся для выраженія вѣры во единого Бога, и это перстосложеніе было православно. Такъ, св. Златоустъ писалъ: „не просто *перстомъ* должно изображать крестъ, но должно сему предшествовать сердечное расположеніе и полная вѣра“... (Бес. на ев. Мѡ. 57). Объ одноперстіи, въ древности употреблявшемся, можно найти много и еще свидѣтельствъ: Чет. Мин. 8 Дек., Ц. Ист. Созомена кн. 7, гл. 21; Епифанія кн. о ересяхъ 1; Лугъ Дух. гл. 93; Ч. Мин. Дек. 4, прологъ 2 Нояб. и др. Но когда это одноперстіе стали употреблять еретики-единовольники и выражали въ немъ ересь,

неправоe ученіе о единой волѣ во Христѣ,—оно сдѣлалось обрядомъ неправославнымъ. Затѣмъ Церковь измѣнила одноперстіе на троеперстіе и вотъ почему: въ первые вѣка являлись еретики, отвергавшіе св. Троицу; появилась ересь Арія, нечестиво учившаго о Сынѣ Божіемъ, Македонія, нечестиво учившаго о Духѣ Святомъ, и вотъ, православные, въ обличеніе сихъ ересей, какъ видимый знакъ, и стали употреблять при крестномъ знаменіи троеперстіе, показывая имъ равенство трехъ лицъ Божества. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на Востокѣ, гдѣ въ періодъ съ VI по XII вв. была сильна ересь моноелитовъ—единовольниковъ, въ противодѣйствіе симъ еретикамъ христіане крестились и двоеперстно, но однако далеко не всѣ. Но главное въ томъ, что-изъ за перстосложенія не было нигдѣ такого раздѣленія, какое нынѣ происходитъ у насъ уже 250 лѣтъ; очевидно, тогда понимали христіане, что это обрядъ, что важны не персты, а единство вѣры. Много можно привести свидѣтельствъ въ пользу того, что троеперстіе древнѣе двуперстія. Укажемъ на старинныя книги патриаршаго изданія: въ Б. Катихизисѣ л. 5, въ Мал. Катихизисѣ Кіевскаго изд. л. 25, въ Кирилловой кн. л. 256 й, въ Прав. Исповѣд. вѣры отв. 51 и др. Если же мы „пріемлемъ свидѣтельство человѣческое“, то есть у насъ и гораздо большее свидѣтельство—„свидѣтельство Божіе“ (1 Іоан. V. 9): священно-мученикъ Власій, Еп. Севастійскій, усѣченъ мечемъ 11 Февр. 316 г., св. Іоаннъ-Молчальникъ, Еп. Колонійскій, сконч. 3 Дек. 558 г., но ихъ руки, хранящіяся въ Аѳонскомъ монастырѣ „Діонисіатъ“, сложены троеперстно; у насъ на Руси мощи св. Спиридона просфорника за 400 лѣтъ до п. Никона въ благоуханіи нетлѣнія почиваютъ въ Кіевскихъ пещерахъ, и сей угодникъ имѣетъ руку правую съ троеперстн. сложеніемъ.

Наша Прав. Церк. не осуждаетъ, впрочемъ, и тѣхъ людей, которые употребляютъ двоеперстіе для крестнаго знаменія. Исповѣдуй правую вѣру, будь въ соединеніи съ Церковью, тогда и двуперстіе для тебя будетъ спасительно. Вотъ старообрядцы любятъ указывать, что „на знаменующихся двѣма персты, а не хотящихъ тремя персты знаменатися, клятва положена“, и этимъ многихъ даже православныхъ смущаютъ и отторгаютъ отъ св. Церкви. Но на всѣхъ-ли, крестящихся двуперстно, положена клятва? Нѣтъ. Клятва лежитъ только на глаголемыхъ старообрядцахъ, отдѣлившихся отъ Церкви, а на православныхъ ея нѣтъ: „того ради (т. е. клятва на первыхъ), что сицевіи „въ догматы ставятъ свое двоеперстное“ сложеніе и отметающую безуміе ихъ Церковь православную (вникайте) хулятъ; аще бо сицевіи подъ сложеніемъ своихъ двухъ перстовъ не имѣли сего смертоноснаго яда (т. е. не укоряли бы Прав. Церковь, не хулили бы ее, не отдѣлялись отъ нея)... не были бы клятвы достойни и раскольническаго имени (Облич. Теофилакта, арх. Тверск., гл. 1, разсуж. 6-е).

Если мы, троеперстники, и старообрядцы-двуперстники, тремя соединенными перстами изображаемъ вѣру во Св. Троицу, а оставшимися двумя изображаемъ два соединенныя во Христѣ естества, то не осталось между нами никакого несогласія. Будемъ-ли изъ за пальцевъ враждовать, когда въ вѣрѣ о Св. Троицѣ согласны?... Не въ томъ сила: — какіе бы персты ни слагать, только бы вѣра о Св. Троицѣ была не повреждена.

Итакъ, о чемъ же спорить? За что разлучаться? Поистинѣ не за что. Такъ перестаньте же вы, ревнующіе о двуперстіи, о сложеніи перстовъ много волноваться. Вы нарушаете любовь святую, а любовь пріятнѣе Св. Троицѣ, нежели сложеніе перстовъ всѣхъ рукъ, сколько ихъ ни есть

на свѣтѣ. Не о томъ много спорьте, какъ раздѣленные персты соединять, но о томъ больше подумайте, какъ бы раздѣленные отъ Церкви души соединить во едино стадо подъ правительствомъ Единого Пастыря, Иисуса Христа (Увѣщ.).

Будемъ же находиться въ неуклонномъ единеніи со святою Церковью, будемъ креститься двуперстно или троеперстно, но съ правою вѣрою, не хуля ни то, ни другое. Спасеніе въ Церкви дороже всего. „Ничтоже тако раздражаетъ Бога, яко же Церкви раздѣлятися“, училъ златословесный учитель вселенной Іоаннъ (Бес. 14 на посл. Ефес. пр. 11).

Свящ. Николай Знаменскій.

Городъ Княгининъ и его храмы.

Городъ Княгининъ, Нижегородской губерніи, стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ на правомъ берегу рѣки Имзы при впаденіи въ нее рѣчки Княгининки. Княгининъ находится подъ 55,39° сѣверной широты и подъ 62,30° восточной долготы.

Отъ губернскаго города онъ находится на разстояніи 120 верстъ, отъ Макарьева — въ 30 верст., Василь-Сурска — въ 70 в., Сергача — въ 48 вер., отъ Арзамаса въ 90 верст. Онъ преобразованъ былъ при Императрицѣ Екатеринѣ II въ 1779 году 28 Декабря изъ дворцоваго села Княгинина. На открытіе города пріѣзжалъ Предсѣдатель Нижегородской Уголовной Палаты Безруковъ ¹⁾. Въ 1781 году Княгинину пожалованъ гербъ; онъ дѣлится горизонтально на двѣ половины: въ верхней — губернский гербъ — олень, въ нижней — золотые отрѣзы въ зеленомъ полѣ, въ знакъ того, что много распа-

¹⁾ Историч. очеркъ Н.-Нов., ч. I, стр. 105—6, Храмовскаго.

хано луговъ и много вообще хлѣбопашества въ уѣздѣ²⁾.

Въ срединѣ города вырѣзана осмиугольная площадь, на которую сходятся три улицы. идущія отъ востока на западъ: средняя—Соборная, правая—Архангельская, лѣвая—базарная; улицы прямыя, имѣющія небольшой уклонъ отъ востока къ западу.

Основателемъ села Княгинина былъ князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій, потомокъ удѣльныхъ Князей Воротынскихъ. Онъ былъ на службѣ у Московскаго царя Іоанна Васильевича Грознаго. При взятіи города Казани Воротынскій былъ однимъ изъ славныхъ сподвижниковъ Грознаго и былъ раненъ.

По возвращеніи изъ счастливаго похода на Казань, Іоаннъ Грозный, какъ самодержавный царь, 8, 9 и 10 Ноября 1552 г жаловалъ своихъ воеводъ, бояръ, князей разными подарками, землями, вотчинами, деньгами, вещами³⁾. Въ это время князь М. И. Воротынскій получилъ огромныя помѣстья пустопорожныхъ мордовскихъ земель въ Нижегородской области, которыя были „уверстаны“ (т. е. укрѣплены) за нимъ какъ вотчина, съ правомъ перехода послѣдующему потомству⁴⁾.

На жалованныхъ земляхъ Воротынскій основалъ нѣсколько русскихъ селеній: одни назывались Князевыми, другія—Княжными и третьи—Княгиниными. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и нынѣшній городъ Княгининъ. Годъ основанія села Княгинина съ точностію неизвѣстенъ, но въ 1572 году царь Іоаннъ Грозный отобралъ у Воротынскаго село Княгинино съ прочими жалованными

²⁾ Ниж. Губ. Учен. Арх. Ком. томъ III, стр. 252.

³⁾ Истор. Соловьева, т. VI.

⁴⁾ Списокъ населенныхъ мѣстъ Нижегород. губ. Е. Огородникова, изд. 1863 г. С. К. М. В. Д.

землями и по духовному завѣщанію отдалъ сыну своему, царевичу Іоанну, но завѣщаніе не исполнилось. и село Княгинино было въ 1613 году передано Ивану Михайловичу Воротынскому⁵⁾.

⁵⁾ „Россія“ В. П. Семенова и В. И. Ламанскаго, томъ I, стр. 440. Изд. 1899 г.

Примѣчаніе.

Судьба князя М. И. Воротынскаго была превратна. Кромѣ награды огромнымъ количествомъ земель въ Нижегородской области, въ 1553 году во время своей тяжелой болѣзни Іоаннъ благоволилъ къ Воротынскому въ высшей степени, какъ самому вѣрному другу, поручилъ ему приводить къ присягѣ прочихъ князей и бояръ на вѣрность службы наслѣднику своему, младенцу царевичу Димитрію,^{*} и въ 1554 году Воротынскій носилъ высшее почетное званіе „Слуги“.

Послѣ смерти царицы Анастасіи Романовны (1561 г.) счастье Воротынскаго круто измѣнилось.

Онъ попалъ подъ опалу Грознаго за дружбу съ Сильверстомъ и Адашевымъ и въ 1564 году съ семействомъ былъ сосланъ на Бѣлоозеро. Въ 1565 году, по ходатайству Митрополита Анастасія, Воротынскій былъ возвращенъ изъ ссылки за двойной порукой. Въ 1566 году онъ участвовалъ въ Соборномъ совѣщаніи между боярами. Въ 1572 году былъ сдѣланъ начальникомъ надъ станицами и полевыми войсками на границѣ съ Украйной и на берегу р. Лопаси разбилъ 118000 армію Крымскаго хана Девлетъ-Гирея. Но въ томъ же 1572 году по доносу раба, обвинявшаго его въ чародѣйствѣ и въ злыхъ умыслахъ противъ царя, Воротынскій подвергнутъ былъ пыткамъ и его повезли опять въ ссылку на Бѣлоозеро. Онъ, не добравъ до мѣста, умеръ на дорогѣ. Тѣло его погребено въ Бѣлоозерскомъ монастырѣ и надъ могилой его построена была церковь^{**}).

Родъ Воротынскаго продолжался до 1680-хъ годовъ и владелъ селомъ Княгининымъ, какъ вотчиною. Вотъ его нисходящее потомство: сынъ его Иванъ Михайловичъ, внукъ Алексѣй Ивановичъ, правнукъ Иванъ Алексѣевичъ, праправнукъ Михаилъ Ивановичъ—и только. Сынъ его Иванъ Михайловичъ былъ посланъ въ 1606—8 годахъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ

^{*}) Н. Михайловскаго письмо XXIII. Русскія Вѣдомости 1890 г. № 296.

^{**}) Исторія Соловьева, томъ VII.

Князья Воротынскіе были люди религіозные. Первый храмъ въ с. Княгининѣ во имя Богоявленія Господня былъ построенъ княземъ М. И. Воротынскимъ, а послѣдній представитель вымирающаго рода Воротынскихъ Иванъ Алексѣевичъ съ сыномъ Михаиломъ въ 1665 году пожертвовалъ напрестольное Св. Евангеліе серебряное вызолоченное въ монастырь Архангельскій женскій на поминовеніе. Это видно изъ надписи по листамъ на Евангеліи, хранящемся въ Успенской церкви. г. Княгинина. Изданіе книги 7171 г. (1663 г.) Вотъ эта надпись. „Лѣта 7173 г. Августа. въ 13 число сію книгу глаголемую Евангеліе — напрестольное Св. Евангелистовъ серебряное золоченое (пожертвовали) Бояринъ Князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынскій да сынъ ево Князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій въ Нижегородскую свою вотчину въ даръ вѣчный монастырю Архангела Михаила по своимъ родителямъ въ вѣчное поминовеніе о здравіи Бога „молить“. А въ 1684 году И. А. Воротынскій прислалъ въ село Княгинино въ свою вотчину копію съ находящейся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ чудотворной иконы Владимірской Божіей Матери. Копія эта и донынѣ находится въ Богоявленскомъ соборѣ города Княгинина и пользуется

Шуйскимъ очистить городъ Арзамасъ и др. города отъ шаекъ Лжедмитрія II и для усмиренія волновавшейся нижегородской мордвы, что онъ исполнилъ съ честью ***). Въ 1613 году его видимъ воеводою въ Нижнемъ-Новгородѣ. Сынъ Ивана Михайловича Алексѣй, родившійся по предсказанію Препод. Трифона Вятскаго, неизвѣстно, занималъ ли какую должность. У Алексѣя былъ сынъ Иванъ, жившій при царѣ Алексіи Михайловичѣ, человекъ ничтожный, по словамъ историка Соловьева. Со смертію Ивана Алексѣевича и сына его Михаила Ивановича родъ знаменитаго М. И. Воротынскаго прекратился, и всѣ имѣнія его, какъ выморочныя, поступили въ дворцовое вѣдомство.

***) Храпцовскаго. Краткій очеркъ Нижняго-Новгорода, часть I, стр. 56.

великимъ почитаніемъ жителей города и окрестныхъ селеній⁶⁾.

Но въ томъ же 1684 году с. Княгинино стало дворцовымъ. Это видно изъ слѣдующаго. Въ Успенской церкви гор. Княгинина есть двѣ книги церковно-богослужебныя: постная и цвѣтная тріодь. На этихъ книгахъ по листамъ есть слѣдующая надпись: „По указу Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и Великія Государыни, Благовѣрныхъ Цесаревны Великія Княжны Софіи Алексѣевны, великія, и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержцевъ, дана сія книга имѣнуемая тріодь постная (цвѣтная) въ переплетѣ изъ приказа Большого Дворца, изъ Палаты Верхня типографіи, Нижегородскаго уѣзду въ Архангельскій дѣвичь монастырь что въ Дворцовомъ селѣ Княгининѣ на посадѣ, по челобитію того монастыря старицы Наталіи съ сестрами“.

Село Княгинино было изстари базарнымъ, въ немъ на посадѣ жили люди торговые. Воротынскими же на посадѣ былъ основанъ женскій Архангельскій монастырь. Въ немъ были два деревянныхъ храма: во имя Архистратига Божія Михаила и во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. А за селомъ на востокъ былъ основанъ Воротынскими мужской монастырь Троицкій. Въ немъ было два деревянныхъ храма: во имя Живоначальной Троицы и во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы.⁷⁾ Архангельскій монастырь имѣлъ вблизи с. Княгинина пахотной земли 20 дес. 1175 кв саж. и сѣнныхъ покосовъ 1625 кв. с., а Троицкій монастырь имѣлъ рядомъ по склону къ рѣчкѣ Княгининкѣ пахотной

⁶⁾ „Россія“ В. П. Семенова и В. И. Ламанскаго, томъ I, стр. 440. Изд. 1899 г.

⁷⁾ Исторія Россійской іерархіи Арх. Амвросія часть IV, изд. 1812 г.

и сѣнокосной земли 45 десятинъ.⁸⁾ Архангельскій монастырь управлялся игуменіями, каковыми были, напр., въ 1688 году Евдокія, въ 1738 г. Александра, а Троицкій монастырь управлялся строителями, каковыми были, напримѣръ, въ 1683 г. Гавріиль, въ 1696 г. Корнилій, въ 1744—5 г. Кирилль.⁹⁾

При Богоявленской церкви было полныхъ пять причтовъ, а при Архангельскомъ монастырѣ были 2 священника, 2 діакона и 1 пономарь. У Богоявленскаго приходскаго причта было 187 дес.¹⁰⁾, а у причта Архангельскаго монастыря 4¹⁾ дес. въ трехъ поляхъ и сѣнныхъ покосовъ на 1 копну, а потому причтъ получалъ отъ игуменьи съ сестрами жалованнаго хлѣба въ годъ по 6 четвертей ржи и овса.¹¹⁾

При Богоявленской церкви была еще церковь теплая кладбищенская, а кругомъ ихъ было огромное сельское кладбище. Часть этого кладбища теперь находится подъ базарной площадью, а часть подъ улицей и домами городскихъ жителей.

Въ с. Княгининѣ былъ Государевъ Домъ, т. е. Канцелярія или Приказъ Большаго Дворца съ дьяками и подъячами, а главный начальникъ былъ комиссаръ, который и управлялъ всѣми мѣстными царскими вотчинами, каковымъ комиссаромъ и былъ, напримѣръ, въ 1764 году Григорій Быховецъ¹²⁾.

Въ 1764 г. закрыты были по бѣдности оба монастыря: Архангельскій и Троицкій. Монастырскіе храмы были обращены въ приходскіе, и теплый кладбищенскій Богородице-Рождественскій храмъ

⁸⁾ Клиров. вѣдом. Успенской ц. за 1840 г. и клировыя вѣдом. Троицк. ц. за 1840 г.

⁹⁾ Списокъ іерарховъ и настоятелей монастырей Рус. ц. Строева, изд. 1877 г.

¹⁰⁾ Клировыя вѣдомости Богояв. собора за 1828 г.

¹¹⁾ Акты Печерскаго монастыря. Епар. В. 1902 г. стр. 299.

¹²⁾ Исторія Нижегородской іерархіи Архимандр. Макарія стр. 140.

былъ обращенъ въ приходскій отдѣльный отъ Богоявленскаго. Какъ монастырскіе храмы, такъ и кладбищенскій Богородице-Рождественскій были ветхи¹³⁾. Сначала въ 1764 г. прихожане перестроили Богородице-Рождественскій храмъ, потомъ прихожане перестроили въ 1791 году Успенскій монастырскій храмъ,¹⁴⁾ а Архангельскій сломали и съ тѣхъ поръ приходъ сталъ называться не Архангельскимъ, а Успенскимъ. Земля, принадлежавшая Архангельскому монастырю, 20 дес. 1175 кв. с. пахотной и 1625 кв. с. сѣнокосной, перешла во владѣніе ихъ причта, а земля Троицкаго монастыря, 45 дес., взята была въ Государственную экономію¹⁵⁾.

Громадный Богоявленскій приходъ раздѣлился, по распоряженію Епархіальнаго Начальства, на три самостоятельныхъ прихода. Два полныхъ причта и двѣ части прихода остались при Богоявленской церкви, двѣ части и два полныхъ причта отдѣлены были къ Богородице-Рождественской и одна часть и одинъ полный штатъ отдѣлены къ Троицкой церкви. Полевая и сѣнокосная земля, попрежнему, осталась у нихъ въ общемъ владѣніи; каждый членъ причта своею частію церковной земли владѣлъ какъ до раздѣленія Богоявленскаго прихода, такъ и послѣ раздѣленія. Такимъ образомъ въ 1764 году въ с. Княгининѣ образовалось 4 самостоятельныхъ прихода, къ которымъ принадлежало 19 приходскихъ деревень.

Такъ какъ въ Богоявленскомъ приходѣ не осталось теплой церкви, то въ 1764 году комиссаръ Дворцовой Канцеляріи Григорій Быховецъ на свой счетъ выстроилъ теплый однопрестольный храмъ во имя Св. Апост. Петра и Павла¹⁶⁾.

¹³⁾ Клиров. вѣд. Рожд. ц. 1840 г.

¹⁴⁾ Клировыя вѣд. Успен. ц. 1840 г.

¹⁵⁾ Планъ города Княгинина 1784 г.

¹⁶⁾ Клировыя вѣд. Бог. соб. 1840 г.

Послѣ преобразованія изъ дворцоваго села г. Княгининъ самостоятельно существовалъ до 1796 г. включительно; съ января до 26 октября 1797 г. Княгининъ былъ закрытъ и приписанъ къ г. Макарьеву, но съ 26 октября 1797 года города Макарьевъ и Перевозъ были закрыты, а Княгининъ открытъ опять городомъ, къ нему присоединена была большая часть Макарьевского и Перевозскаго уѣздовъ, и онъ болѣе уже не закрывался ¹⁷⁾.

Въ XVIII столѣтїи въ Княгининѣ всѣ храмы были деревянные. Въ продолженіе XIX столѣтїа всѣ храмы въ Княгининѣ построены каменные и внутри хорошо украшенные. На построеніе каменнаго собора на новомъ мѣстѣ среди базарной площади выдано было по Высочайшему повелѣнію въ два срока—въ мартѣ и декабрѣ 1815 г. изъ Комиссіи духовныхъ училищъ 16,200 ассигнацій, ¹⁸⁾ а остальная сумма— $\frac{1}{5}$ была пожертвована окружными помѣщиками, горожанами, крестьянами приходскихъ деревень и по сборнымъ книгамъ. Приходскіе храмы были построены: Троицкій тщаніемъ прихожанъ, Богородице Рождественскій—дворянкой Анастасіей Николаевной Калакуцкой, Успенскій—купчихой Александрой Ивановной Дунаевой ¹⁹⁾. Вмѣсто сгорѣвшаго въ 1866 году теплаго Петро-Павловскаго деревяннаго собора, въ 1881 году выстроилъ между холоднымъ соборомъ и колокольнею теплую трапезу крестьянинъ Василій Алексѣевичъ Пановъ частію на свои, частію на пожертвованныя прихожанами средства ²⁰⁾.

(Извлеченіе изъ Церк. Лѣтописи Богоявл. собора г. Княгинина).

Протоіерей Владиміръ Снегиревъ.

¹⁷⁾ Дѣйствія Нижегород. Губер. Учен. Архивной Комиссіи томъ III стр. 261.

¹⁸⁾ Приходская ц. книга 1815 г.

¹⁹⁾ Клировыя вѣдомости: Троицкой ц. за 1840 г., Б.-Рожд. за 1884 г., Успенск. ц. за 1887 г.

²⁰⁾ Клировыя вѣдомости Бог. с. за 1882 г.

Нижегородская Духовная Семинарія въ 1818—40 годахъ.

(Продолженіе).

III.

Условія и порядокъ поступленія въ Семинарію. Общее число и составъ учащихся. Занятія учениковъ—классныя и внѣклассныя. Должностныя и привилегированныя лица изъ числа учащихся. Жизнь на квартирахъ. Рекреаціи и вакаціи.

Во все описываемое нами время (1818—1840 гг.) ученики изъ низшихъ духовныхъ училищъ епархіи поступали въ Семинарію безъ повѣрочныхъ экзаменовъ. Послѣ выпускныхъ испытаній въ училищахъ, на которыхъ нерѣдко присутствовалъ кто-либо изъ начальствующихъ или учащихся въ Семинаріи, ученики высшаго отдѣленія училищъ, окончившіе курсъ по первому и второму разряду, прямо назначались къ переводу въ низшее отдѣленіе Семинаріи, по усмотрѣнію своего начальства. Это было общимъ правиломъ. Повѣрочные вступительные экзамены существовали только для учениковъ, не удостоенныхъ перевода изъ училищъ въ Семинарію по малоуспѣшю и предназначенныхъ, такимъ образомъ, по правиламъ, къ оставленію на повторительный курсъ въ училищахъ. Нѣкоторые изъ такихъ учениковъ потомъ выражали естественное желаніе перейти въ Семинарію и просили допустить ихъ къ экзаменамъ въ самой Семинаріи, которые обыкновенно и производились для нихъ въ началѣ сентября (числа 1—2). Случалось, что нѣкоторые изъ мальчиковъ послѣ этого и были переведимы въ Семинарію, напримѣръ въ 1820 году такимъ путемъ поступило даже семь человекъ, въ 1838 г.—одинъ и т. д. Затѣмъ, подобнымъ-же повѣрочнымъ испытаніямъ подвергались еще и дѣти,

поступавшія въ Семинарію прямо изъ домовъ родителей. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые изъ учениковъ училищъ, бывъ приняты въ училище, оставались затѣмъ, съ дозволенія начальства, въ теченіе всего училищнаго курса въ домахъ родителей и являлись уже или на выпускные экзамены въ училище, или, какъ сказано, на вступительные экзамены прямо въ Семинарію ⁵⁷⁾.

Обязательные для всѣхъ учениковъ училищъ вступительные экзамены въ Семинаріи введены были позднѣе—при ректорѣ Аполлоніи (въ 1844 г.). При существованіи одного Нижегородскаго училища (въ 1818—22 гг.), число поступавшихъ въ Семинарію не превышало 36—52 челов. Но затѣмъ, съ открытіемъ Печерскаго, второго Нижегородскаго (въ 1830-хъ гг.) и, наконецъ, уѣзднаго Арзамасскаго училищъ, это число быстро возрастало. Такимъ образомъ въ 1828 г., напримѣръ, изъ Нижегородскаго училища поступило 72 челов. и изъ Печерскаго 51, въ 1834 г. изъ всѣхъ училищъ перешло въ Семинарію уже 158 челов., въ 1836 г. 196 чел., а въ 1838 г. даже 240 человекъ (изъ Нижегородскаго 114, изъ Печерскаго 73 и изъ Арзамасскаго 53).

Въ зависимости отъ этого наплыва учениковъ изъ низшихъ училищъ быстро росло число учащихся въ Семинаріи. Дѣло въ томъ, что обученіе въ Семинаріи и училищахъ было, по Уставу, *обязательнымъ* для всѣхъ дѣтей священно-и церковно-служителей, начиная съ 7—8-лѣтняго возраста, подъ угрозой, въ случаѣ уклоненія, быть доставленнымъ въ школу съ понятиями. Эта обязательность

⁵⁷⁾ Случалось, что нѣкоторые изъ такихъ учениковъ (дѣти, конечно, состоятельныхъ родителей), поступивъ и въ Семинарію, увольнялись затѣмъ, по просьбѣ родителей, опять домой, а по окончаніи учебнаго года являлись, съ разрѣшенія ректора, на «частное устное испытаніе» къ профессору словесности. Въ 1824 г. встрѣчаемъ, напримѣръ, четыре такихъ случая.

обученія, которую многіе родители, по разнымъ побужденіямъ, старались обойти и которая на практикѣ далеко не вполнѣ осуществлялась, была отмѣнена лишь въ 1851 г. и то—не для сиротъ духовенства. Такимъ образомъ одно нежеланіе учиться въ школѣ, хотя-бы не только съ согласія, но даже и по просьбѣ родителей ученика, не было въ глазахъ училищнаго начальства достаточной причиной къ увольненію просителя. На этомъ основаніи, наприм., Правленіе Семинаріи отказало въ 1818 г. священнику Нижегородской Казанской церкви въ увольненіи его сына, ученика философіи, Алексѣя Княгининскаго. Въ 1829 году ученикъ реторики Иванъ Красовскій, уволившись изъ Семинаріи, якобы по бѣдности отца, подалъ Преосвящ. Афанасію прошеніе объ увольненіи его совсѣмъ изъ духовнаго званія, имѣя намѣреніе продолжать науки въ гимназіи. Однако Преосвященный приказалъ: „какъ изъ училищнаго свидѣтельства и изъ самой просьбы (Красовскаго) видно, что ученикъ сей къ продолженію ученія способенъ и охоту имѣетъ, то обратитъ его на сей конецъ паки въ Семинарію“. И въ январѣ 1830 г. Красовскій былъ возвращенъ въ Семинарію. Лучшихъ учениковъ Семинаріи и сама намѣренно задерживала для продолженія образованія, напримѣръ, въ 1833 г. ученика средняго отдѣленія Нубилева, просившагося во діаконъ. Даже больныхъ учениковъ Семинаріи увольняла, по ихъ просьбамъ, не иначе, какъ послѣ особаго освидѣтельствванія въ врачебной Управѣ, да и то съ разрѣшенія Академіи.

Надо замѣтить, впрочемъ, что законъ объ обязательности обученія въ разное время, при разныхъ представителяхъ епархіальной и семинарской власти, имѣлъ всетаки неодинаковую силу.

Какъ-бы то ни было, но этотъ именно законъ вызвалъ съ теченіемъ времени переполненіе Семи-

наріи учащимися. Въ первое десятилѣтіе до построения новаго корпуса число учащихся росло, впрочемъ, очень медленно и даже иногда уменьшалось. Въ 1818 г., при преобразованіи Семинаріи, въ ней оставлено было всего 185 чел.; даже въ 1826 г. ихъ было только 219 чел., въ 1828 г.—уже 276 чел. Но затѣмъ, съ 1828 г., это число быстро увеличивается—до 358 челов. (въ 1830 г.)—до 430 (въ 1832 г.). Въ 1834—36 гг. оно превышаетъ даже 480 челов. и, наконецъ, въ 1838—40 гг. оно достигаетъ цифры—около 540 челов.

Въ зависимости отъ общаго числа учащихся и по отдѣленіямъ Семинаріи въ первое десятилѣтіе (1818—28 гг.) они распредѣлялись приблизительно такъ: въ высшемъ—отъ 25—50 ч., въ среднемъ—отъ 30—70, въ низшемъ—отъ 85—150. Во второе десятилѣтіе (въ 1830—40 гг.) въ богословскомъ классѣ было отъ 60 до 110 чел. (въ двухъ отдѣленіяхъ), въ философскомъ—отъ 90 до 160 (въ двухъ отдѣленіяхъ) и въ словесномъ—отъ 210 до 250 (въ двухъ отдѣленіяхъ).

Возрастъ учащихся даже въ одномъ и томъ-же отдѣленіи былъ весьма разнообразенъ. Къ тому-же до 1839 г. и въ официальныхъ документахъ онъ обозначался лишь приблизительно, такъ какъ ни при представленіи въ училища, ни при переводѣ въ Семинарію метрическихъ выписокъ не требовалось. „Въ разсужденіи лѣтъ“ поступающихъ начальство довольствовалось письменнымъ показаніемъ отцовъ или родственниковъ учащихся, отчего, разумѣется, возникали потомъ недоразумѣнія и злоупотребленія. Только въ 1839 г. по мысли и предложению ректора Нижегородскихъ училищъ, протоіерея І Лебединскаго, Правленіе Семинаріи, съ утвержденія Преосвящ. Іоанна, постановило, въ видѣ общаго правила, требовать отъ родителей при

прошеніяхъ о принятіи въ училище ихъ дѣтей также и метрическія выписки или, въ случаѣ пропуска въ книгахъ, выписки изъ исповѣдныхъ росписей. съ обозначеніемъ происхожденія, лѣтъ (словами) и мѣста рожденія мальчика ⁵⁸).

Неудивительно, что при указанномъ патриархальномъ порядкѣ мы встрѣчаемъ (до 1839 г.) во всѣхъ отдѣленіяхъ Семинаріи учениковъ какъ „младолѣтнихъ“, такъ, наоборотъ (и чаще), „великовозрастныхъ“. Уже въ высшихъ отдѣленіяхъ училищъ были юноши 16—18 лѣтъ. Въ классѣ словесности это былъ обычный возрастъ, рѣдко въ 15 лѣтъ. За то нерѣдко встрѣчались „словесники“ 19—20 лѣтъ и даже иногда 21 года. Въ философскомъ классѣ предѣльнымъ возрастомъ видимъ 22—23 г., обыкновенно-же 17—19-лѣтніе. Оканчивали курсъ Семинаріи въ возрастѣ отъ 20—23 л., иногда 24—25 лѣтъ. Въ 1838 г. окончилъ курсъ студентомъ Семинаріи Иванъ Утѣхинъ, имѣвшій отъ роду *меньше 19 лѣтъ*. Но Преосвященный Іоаннъ распорядился, чтобы Правленіе Семинаріи „16-ти-лѣтнихъ не переводило въ богословію безъ особаго разсмотрѣнія“. Съ другой стороны нѣкоторые обучались въ Семинаріи съ училищемъ даже по 14 лѣтъ (наприм., съ 1814 по 1828 г.).

Въ составѣ учащихся въ Семинаріи встрѣчаемъ особый разрядъ такъ называемыхъ приватно-обучающихся, состоявшій изъ значительнаго числа уволенныхъ изъ Семинаріи, но надѣявшихся снова попасть въ разрядъ дѣйствительныхъ учениковъ. Немногіе иновпархіальные (три—четыре

⁵⁸) Дѣло 1839 г. № 16. Еще особенность былого времени—разнофамилность братьевъ: напримѣръ, Василій Петропавловскій, Федоръ Троицкій и Михаилъ Зефировъ—родные братья между собою (по прошенію отъ 1828 г.).

человѣка)—родственники начальствующихъ и учащихъ въ Семинаріи, а также дѣти военнаго духовенства („армейскіе семинаристы“)—обучались на общемъ основаніи, хотя и числились приватными. Изъ инословныхъ не встрѣчаемъ никого ⁵⁹⁾. Въ 1833—34 гг. въ числѣ учениковъ богословскаго класса были діаконъ (одинъ и трое). Это исключеніе было допущено только при Преосвящ. Амвросіи.

Собственно въ семинарскомъ корпусѣ помѣщались всѣ казеннокоштные ученики и пансіонеры, число которыхъ было неодинаково. Прочіе, по мѣрѣ увеличенія числа учащихся въ Семинаріи, по необходимости стояли на квартирахъ въ разныхъ концахъ города. Въ новомъ семинарскомъ корпусѣ (съ больничнымъ) въ среднемъ жило отъ 250 до 365 чел. (при Преосвященномъ Амвросіи).

Жизнь учениковъ Семинаріи проходила прежде всего, конечно, въ учебныхъ занятіяхъ—въ классныхъ (до-обѣденныхъ и послѣ обѣденныхъ) и внѣклассныхъ, и въ занятіяхъ и развлеченіяхъ частныхъ. Время распредѣлялось такъ: въ 6 час. утра учащіеся вставали, часы 6—8 назначались на молитву и повтореніе уроковъ; отъ 8—12 час. продолжались классные уроки; время отъ 12 до 2 назначалось на обѣдъ и отдыхъ, отъ 2 до 4-хъ (а иногда отъ 4—6) на послѣ-обѣденные уроки, 5-й часъ на отдыхъ и прогулку; отъ 6—9 час. вечера продолжались вечернія занятія; въ 9 час. былъ ужинъ, и затѣмъ, послѣ молитвы до 10 час., а нѣкоторымъ до 11 час., дозволялось заниматься своимъ дѣломъ.

Классные уроки хотя и считались общеобязательными, однако посѣщались учениками неакку-

⁵⁹⁾ Инословные, по правиламъ отъ 1821 г., могли быть принимаемы въ духовныя школы также только въ качествѣ приватныхъ, но безъ надежды на какія-либо права по образованію. Ограниченіе это было отмѣнено въ 1848 г.

ратно, особенно менѣе важные послѣ-обѣденные уроки. Правда, существовали особыя „классныя тетради“, въ которыя „цензоры“ (дежурные) записывали отсутствовавшихъ товарищей, но при общей снисходительности въ этомъ отношеніи уроки часто и многими опускались безъ уважительныхъ причинъ. „Весьма мнѣ непріятно видѣть,“—жаловался, между прочимъ, Преосв. Амвросій (въ 1834 г.) послѣ одного посѣщенія послѣ-обѣденныхъ уроковъ, на которыхъ отсутствовали 55 человекъ,—„при каждомъ моемъ посѣщеніи, что множества воспитанниковъ нѣтъ въ классахъ или, завидя меня, сбѣгаютъ въ классы изъ-за разныхъ угловъ“. Онъ рѣшительно потребовалъ отъ семинарскаго начальства не допускать подобныхъ беспорядковъ. Не бывшіе въ классѣ ученики въ свою очередь оправдывали свое отсутствіе кто чѣмъ могъ: „по причинѣ писмоводительской должности“, объяснялъ одинъ, „по причинѣ должности комиссара“, писалъ другой, „по причинѣ подлекарской должности“, „былъ на рынкѣ покупать муки“, „по причинѣ болѣзни въ груди съ икотою, которая продолжается до 6 часовъ и болѣе“ „сапоги отданы въ починку, а другихъ не имѣю“, оправдывались другіе ⁶⁰⁾. Если такъ обстояло это дѣло при строгомъ Амвросіи, то при такихъ Архипастыряхъ, какъ Преосвященные Аѳанасій и Іоаннъ, оно могло быть еще болѣе запущено, особенно при ректорахъ Семинаріи Сергіи и Иннокентіи. Въ неучебные часы учащіеся, какъ было замѣчено выше, занимались списываніемъ профессорскихъ записокъ, отнимавшихъ у старательныхъ учениковъ много времени, приготовленіемъ „лекцій“, а также составленіемъ многочисленныхъ сочиненій и проповѣдей. Среди учащихся встрѣчались юноши, искренно преданные своему дѣлу и желавшіе дѣйствительно

⁶⁰⁾ Дѣло 1834 г. № 32.

учиться по любви къ знанію. Вотъ примѣръ тому. Въ 1834 г. ученикъ средняго отдѣленія Захаръ Васильевъ былъ переведенъ въ богословскій классъ (подъ № 64 изъ 112 чел.). Но въ сентябрѣ онъ просилъ оставить его въ философскомъ классѣ „по младости лѣтъ своихъ и для большаго обогащенія себя въ наукахъ философскихъ“.

Среди необязательныхъ, но многополезныхъ занятій чтеніе учениками книгъ должно было занимать серьезно ихъ вниманіе. Однако правильно организовать это дѣло было не такъ то легко — и по недостатку свободныхъ хорошихъ книгъ, и по отсутствію прочныхъ добрыхъ традицій на этотъ счетъ. Руководительство чтеніемъ учениковъ и самое снабженіе ихъ книгами, по правиламъ, возлагалось на наставниковъ — каждаго по своему предмету. И заботливые изъ нихъ, какъ Понятовскій, Надежинъ, Смирновъ и друг., не забывали этой своей обязанности. Ректоръ и Правленіе Семинаріи также стремились кое-что сдѣлать и въ этомъ отношеніи. Особеннымъ распространеніемъ среди семинаристовъ (въ 20-хъ гг.) пользовался журналъ „Христіанское Чтеніе“. Его выписывали для себя ученики разныхъ отдѣленій въ складчину. Въ 1822 и 1823 гг. Правленіе Семинаріи выписываетъ этотъ журналъ по экземпляру для каждаго отдѣленія на казенный счетъ, а за учениковъ богословія ректоръ Гавріилъ внесъ плату (25 р.) отъ себя (въ 1822 г.). Въ 1827 г. Комиссія духовныхъ училищъ напомнила всѣмъ семинаріямъ, чтобы „ученикамъ назначались отъ профессоровъ приличныя книги для чтенія съ надлежащимъ требованіемъ отъ нихъ отчета въ прочитанномъ“.

Дѣло (отъ 1822 г.) о затерянныхъ ректоромъ Иннокентіемъ книгахъ даетъ намъ возможность хотя отчасти видѣть, что читали и чѣмъ интересовались семинаристы въ его время. Всѣ затеряныя

имъ книги, по объясненію ректора, были имъ въ разное время взяты и розданы ученикамъ для чтенія. Въ списокѣ этихъ книгъ, кромѣ „Христіанскаго Чтенія“ (съ 1821—36 гг.) видимъ: сочиненія Св. Тихона Воронежскаго, Сборникъ образцовыхъ русскихъ сочиненій (отъ 1822 г.), сочиненія и исторію Карамзина и нѣкоторые свѣтскіе журналы: Телескопъ, Библіотека для чтенія и Сынъ Отечества и нѣкоторыя другія книги ⁶¹⁾. Изъ „главной“ (фундаментальной) библіотеки самимъ ученикамъ, по правиламъ, выдавались только дубликаты, и то съ разрѣшенія Академіи ⁶²⁾.

Такимъ образомъ въ общемъ нельзя сказать, чтобы книгъ для чтенія среди учениковъ было въ достаточномъ числѣ и что онѣ вращались свободно.

Кромѣ пѣнія, обученіе которому въ Семинаріи не только поощрялось, но и требовалось въ необязательные неучебные часы, изъ другихъ полезныхъ развлеченій учениковъ встрѣчаемъ указаніе на шахматную игру, на рытье дерна въ полѣ (въ 1820 г.) и г. п. Музыка признавалась занятіемъ „терпимымъ“ въ Семинаріи; пѣніе „простонародное“ строго воспрещалось. Развлеченіе особаго рода представляли для учениковъ еще рекреации, но о нихъ скажемъ послѣ.

Среди учащихся особую группу по своему привилегированному положенію среди товарищей составляли разные должностныя лица изъ воспитанниковъ Семинаріи. Къ нимъ принадлежали, во первыхъ, изъ учениковъ богословія, *учившіе* и притомъ за жалованье „штатомъ положенное“, въ низшихъ училищахъ, если почему-либо не оказывалось особыхъ кандидатовъ на учительскія должности. Это были не лекторы, но учителя. Такъ, въ 1836 г.

⁶¹⁾ Д. 1838 г. № 42.

⁶²⁾ Д. 1838 г. № 55.

изъ учениковъ богословія состояли учителями въ первомъ Нижегородскомъ уѣздномъ училищѣ въ низшемъ отдѣленіи: Ип Свѣтовидовъ по татарскому языку, Андр Прудентовъ по греческому языку. Затѣмъ, почти такое же положеніе занимали и лекторы (отъ 2 до 8 челов.), ежегодно назначавшіеся (до 1835 г.), также за жалованье (рубл. по 60 въ годъ), въ низшее отдѣленіе Семинаріи въ помощь наставникамъ словесности и греческаго языка. Лекторы же безъ жалованья, какъ жаловался въ 1819 году профессоръ Ив. Пороиковъ, „не почитали себя обязанными къ оной должности“.

Далѣе, при Правленіи состояли штатные писмоводители“, обыкновенно двое, съ платой отъ 60—100 р. въ годъ, и при нихъ одинъ, а иногда и болѣе, помощникъ, также съ жалованьемъ (рублей до 60). Наконецъ, еще при экономѣ состоялъ писмоводитель изъ учениковъ съ платой отъ 45 до 120 р въ годъ. Были еще келейники (при ректорѣ), комиссары и ихъ помощники и т. д.

Положеніе почетнаго „сословія старшихъ“, числомъ отъ 15 до 20, а въ концѣ періода до 38 чел., большею частію изъ учениковъ богословія, а иногда и философіи, съ ихъ помощниками, въ дѣйствительности было иногда далеко неприятнымъ и не только на квартирахъ за глазами начальства, но даже и въ самой Семинаріи. Ихъ оскорбляли, случалось, даже ученики словесности и вообще при удобномъ случаѣ старались причинить неприятность нелюбимому старшему. Ученики-же болѣе возрастные, иногда переходили отъ словъ и къ дѣлу. 4 мая 1828 г. ученики философіи А. Колосовъ и А. Лебедевъ у старшаго по ихъ комнатамъ В. Малицкаго и товарища А. Багрянскаго изорвали книги, изрѣзали сюртукъ и изломали шляпы. Просить прощенія у старшаго виновные отказались, а потому 16 мая имъ приказано было исправить поврежденныя

вещи на свой счетъ, съ лишеніемъ, за дерзость и непокорность, казеннаго стола на недѣлю⁶³⁾.

Далеко не упорядочена, временами, была жизнь учениковъ въ Семинарскомъ корпусѣ. Въ первую половину описываемаго періода (въ 1820-хъ гг.) этой беспорядочности много содѣйствовали, между прочимъ, общая неустроенность тогдашней Семинаріи и еще слишкомъ живыя дореформенныя традиціи, а во-вторую (послѣ 1830 г.)—неудовлетворительный личный составъ семинарскаго начальства (при ректорѣ Иннокентіи). И тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ существенные недостатки семинарскаго интерната, для квартирныхъ учениковъ жизнь въ этомъ интернатѣ была очень желательна. Эту жизнь тогдашніе ученики цѣнили не только съ точки зрѣнія экономической, но и учебной, и нравственно-воспитательной. „Многія трудности какъ въ разсужденіи экономіи, такъ и классическихъ занятій“, „излишнія заботы на квартирѣ“, „великая утрата во времени“, затрудненія въ доставкѣ изъ сель провизіи, „для лучшаго соблюденія времени и успѣховъ“, „для удобнѣйшаго занятія науками—эти и подобныя соображенія являются самыми обычными мотивами въ прошеніяхъ квартирныхъ учениковъ, желавшихъ поступить пансіонерами въ семинарскій корпусъ. Быть принятыми на жительство въ этотъ корпусъ они просили, какъ *великой милости* со стороны семинарскаго начальства. Случалось, что даже нижегородскіе священники, по тѣмъ-же соображеніямъ, помѣщали своихъ дѣтей, за плату, въ казенный интернатъ.

Квартиры были разбросаны рѣшительно по всѣмъ концамъ города и значились у семинарскаго

⁶³⁾ Дѣло 1822 г. № 27; 1828 г. № 45.

начальства „по приходамъ“⁶⁴). Хозяевами квартиръ, кромѣ лицъ духовныхъ, весьма нерѣдко были унтеръ офицеры, солдаты и солдатки, дворники, мѣщане, мѣщанки и т. д. Число живущихъ на одной квартирѣ колебалось отъ одного до пяти человѣкъ и не превышало восьми-девяти человѣкъ. Ближайшій надзоръ надъ квартирной жизнью поручался старшимъ и ихъ помощникамъ подъ контролемъ инспекціи (съ 1830 г. главнымъ образомъ помощниковъ инспектора).

Вопіющіе недостатки квартирной жизни прежняго времени настолько общеизвѣстны, что оставившись долго на нихъ не приходится. Пользуясь отсутствіемъ правильнаго надзора, худшіе изъ семинаристовъ-квартирантовъ злоупотребляли хмѣльными напитками, —вращаясь въ грубой средѣ, допускали себѣ вступать въ подозрительныя связи, вступали въ препирательство и драки съ мѣщанами и ремесленниками, нерѣдко имѣли дѣло съ полиціей и судомъ то за свои поступки, то по дѣламъ квартирохозяевъ и т. д. Между послѣдними и учениками и ихъ родителями нерѣдко возникали такъ же кляузы изъ-за уплаты денегъ, восходившіе на разсмотрѣніе не только семинарскаго начальства, но иногда даже епархіальной власти и консисторіи. Нехожденіе въ классъ съ квартиръ было также обычнымъ явленіемъ, —не ходили иногда даже по цѣлымъ полугодіямъ; на примѣръ, въ 1831 г. ученикъ А. Кедрскій „по неимѣнію обуви“. Среди приведенныхъ и подобныхъ неприглядныхъ фактовъ

⁶⁴) На примѣръ, въ 1831 и въ 1836 гг. квартиры находились въ слѣдующихъ приходяхъ: въ Ильинскомъ, Сергіевскомъ, Космо-Даміанскомъ, Мироносицкомъ, Вознесенскомъ, Алексіевскомъ, Покровскомъ, Варьарскомъ, Тихоновскомъ, Верхне-Никольскомъ, Пятницкомъ, Георгіевскомъ и Петропавловскомъ.

исчезаютъ немногія хорошія стороны квартирной жизни былого времени⁶⁵). Впрочемъ, въ прежней семинарской жизни, взятой въ цѣломъ, не все было такъ грубо и сурово, какъ это можетъ показаться съ перваго раза. Были въ этой жизни и хорошія, симпатичныя стороны, порядки и обычаи. Въ иное время семинарское начальство охотно предоставляло своимъ питомцамъ и цѣлесообразный отдыхъ. Таковы были въ особенности рекреаціи или майевки, оригинальныя семинарскіе праздники, неожиданно устраивавшіеся въ маѣ—іюнь мѣсяцахъ раза три-четыре, а иногда и болѣе. Это были лучшія и любимѣйшія развлеченія для воспитанниковъ въ старое время. Въ общемъ извѣстно, какой характеръ носили прежнія рекреаціи, преданія о которыхъ всегда съ любовью хранились въ памяти нашихъ отцовъ и дѣдовъ. „Наступитъ, бывало, весна“, —вспоминаетъ объ этомъ одинъ изъ питомцевъ Нижегородской Семинаріи, —„зазеленѣютъ травка и кусточки, запоютъ птички, дышится легко и пріятно на волѣ. Такъ и тянетъ тебя слиться съ ласковой природою, но—у тебя на душѣ холодъ отъ всей тяжелой обстановки учебной. Бѣжишь трусливо въ семинарію. И вотъ навстрѣчу тебѣ летятъ радостные товарищи съ заявленіемъ, что „нынче рекреація“. Не сразу повѣришь такой неожиданности, а потомъ такъ и вострепнешься, подобно выпущенной изъ клѣтки птичкѣ. И помчатся всѣ, кто куда знаетъ, на полную волю. Великимъ благомъ были эти рекреаціи: хоть малость вздохнешь беззаботно...“ „Рекреаціи обыкновенно устраивались такъ“, — продолжаетъ тотъ-же питомецъ. „Человѣкъ десять богослововъ подойдутъ къ двери ректора Семинаріи и тихо,

⁶⁵) Дѣло за 1830 г. № 56; 1835 г. № 47; 1838 г. № 84 и многія друг.

но торжественно запюютъ: „rogamus, rogamus, reverentissime pater recte, recreationem ad vocationem!“ Повторяютъ иногда это иѣнѣ нѣскольکو разъ, пока не появится о. ректоръ и не дастъ на просьбу разрѣшенія....

„По разсказу отца, — прибавляетъ авторъ воспоминаній, — въ его время (въ 1830—40-хъ гг.) рекреации устраивались торжественно и чрезвычайно интересно. Вся Семинарія и съ наставниками, и съ начальствомъ — во время рекреации отправлялась въ поле за Казанскую заставу. Туда же прѣзжалъ и самъ Владыка. Тамъ устраивались разныя игры и потѣхи: въ мячъ, въ чехарду. Водворялась полная простота отношеній.... Въ то-же время производились забавы и иного характера: произносились предварительно составленныя рѣчи, диспуты и даже драматическіе діалоги. Это все чрезвычайно занимало и восхищало учащееся юношество и школьниковъ. Для удовлетворенія насущныхъ потребностей многочисленнаго собранія прибывали смѣтливыя сбитеньщики, калачники, булочники, крендельщики съ своими дешовыми продуктами и пряностями, которыми начальство милостиво угощало школяровъ. Пользуясь простотою обращенія всего чиновначалія и побуждаемые алчнымъ желудкомъ юности, рѣзвые бурсачки нерѣдко опрокидывали столы торжниковъ и расхватывали съѣстное. Взыску особаго не чинилось за это, и самъ Владыка расплачивался за озорниковъ. На всю жизнь оставались памятными такія рекреации“⁶⁶⁾. Такъ справлялись рекреации преимущественно въ первой половинѣ 19 в. Затѣмъ онѣ постепенно утрачивали свою привлекательность, сдѣлались рѣже и скучнѣе, а въ 1860-хъ гг. и совсѣмъ прекратились.

⁶⁶⁾ Приведенныя воспоминанія весьма совпадаютъ и съ печатными свѣдѣніями о рекреацияхъ. См., на примѣръ, брошюру „Изъ прошлаго“ П—ва (Г. А. Полисадова).

Рекреаціи — это не предусмотрѣнный Уставомъ и правилами, но выработанный практикой оригинальный и полезный обычай прежней школы. Обычнымъ-же временемъ отдыха были, конечно, вакаціи рождественскія и лѣтнія. Последнія продолжались съ 15 іюля по 1-е сентября. Въ 1831 г. по случаю холеры учащіеся были распущены 5 іюня. Въ этотъ день „въ одинъ часъ“ заболѣли два воспитанника, одинъ изъ которыхъ (Θ. Соколовъ) чрезъ 17 часовъ и скончался. Между тѣмъ Комиссіей духовныхъ училищъ было предписано, въ виду ранняго отпуска, „сократить вакацію, назначивъ для оной одинъ іюль мѣсяць, августъ-же обратить въ учебный“, а экзамены были перенесены на сентябрь. И дѣйствительно, въ первыхъ числахъ августа, не смотря на то, что холера еще далеко не прекратилась, учениковъ всетаки вызывали въ Семинарію даже чрезъ Консисторію, а въ сентябрѣ были произведены экзамены.

Такъ ревниво поддерживались тогда училищные порядки. Во время вакацій надзоръ за учениками лежалъ на мѣстномъ причтѣ, который, случалось, „рекомендовалъ“ ихъ предъ семинарскимъ начальствомъ и Архіереемъ не всегда съ хорошей стороны.

А. Тиховъ.

(Продолженіе будетъ.)

«Картинка съ натуры».

Посвящается А. И. П—ву.

Не разъ приходилось мнѣ въ своей жизни наталкиваться на случаи безотраднaго существованія престарѣлыхъ лицъ изъ духовенства, лишенныхъ семьи и, по своему общественному положенію,

какъ бы отрѣшенныхъ отъ остального міра. Я невольно при этомъ задаюсь мыслию о безпомощности и тяжести положенія, въ которомъ доживаютъ свои горькіе дни престарѣлые священно-и церковнослужители, особенно изъ сельскаго духовенства, отличающагося, какъ извѣстно, при скудости средствъ, долготѣемъ, чему способствуетъ сельская природа и простой и правильный образъ жизни.

Среди моихъ воспоминаній выступаетъ далеко не заурядная личность одного изъ такихъ, годами и горемъ „уволенныхъ за штатъ“ тружениковъ, съ которымъ я встрѣтилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проводя Рождественскіе святки у своихъ родныхъ въ губернскомъ городѣ ***. Ежедневно, съ первымъ ударомъ колокола къ церковной службѣ, мимо оконъ нашего дома, находившагося неподалеку отъ городского кладбища, медленно и степенно проходилъ, опираясь на посохъ, высокаго роста старикъ съ длинной совсѣмъ бѣлой бородой и съ развивающимися по плечамъ рѣдкими прядями сѣдыхъ волосъ, въ какомъ-то неопредѣленнаго цвѣта балахонѣ, подпоясанномъ веревкой, и направлялся въ церковь. Тамъ онъ неизмѣнно становился по правую сторону дверей и неподвижно простаивалъ всю службу. Мнѣ никогда до тѣхъ поръ не случилось видѣть такой глубокой напряженности всѣхъ линий лица, такого самоуглубленія, какъ бы сосредоточеннаго на одной мысли. Неподвижный взглядъ глазъ, казавшихся огромными отъ окружавшей ихъ темной синевы на восковой блѣдности лица, былъ всегда тускло устремленъ куда-то далеко, за предѣлы окружающаго міра. Одины лишь губы порою беззвучно шевелились. Было что-то безотчетно трогательное во всей этой фигурѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ внушающее уваженіе, такъ что, не смотря на крайне истощенный видъ и на скудное, почти нищенское одѣяніе, духу не хватало не только пред-

дожить этому бѣдняку подаеніе, но даже обратиться съ какими-либо разспросами. Это былъ уволенный за штатъ, по причинѣ потери зрѣнія, сельскій дьячекъ.

Происходя изъ купеческаго званія и получивъ образованіе въ средне-учебномъ заведеніи, онъ, вслѣдствіе никому неизвѣстныхъ обстоятельствъ, поступилъ причетникомъ въ захолустный сельскій приходъ отдаленной отъ его родины губерніи, гдѣ и оставался много лѣтъ, стяжавъ себѣ имя „безсребреннаго молитвенника“, „милостивца“ и „ученаго совѣтника“. Уже въ немолодыхъ годахъ онъ женился на бѣдной дѣвушкѣ сиротѣ, приемышѣ крестьянской семьи, но вскорѣ жена его умерла, оставивъ крошку-дочь. Дойдя до пятаго класса духовнаго училища, дѣвочка скончалась. Вѣроятно, въ дочери сосредоточивался весь интересъ его существованія, свѣтъ его жизни, который съ потерей ея угасъ, потому что вскорѣ послѣ смерти дѣвочки онъ лишился зрѣнія, уже слабого отъ бодрствованія, чтенія и молитвъ, а можетъ быть и отъ никому невѣдомыхъ слезъ.

Выйдя за штатъ и раздавъ свое скудное имущество бѣднымъ своего прихода, онъ ушелъ въ городъ, вѣроятно, для того, чтобы не разставаться съ могилкой дочери, беречь и холить ее, какъ берегъ и лелѣялъ онъ покинувшее его дитя. Чѣмъ и какъ существовалъ одинокій слѣпецъ, сказать никто не могъ; его встрѣчали только въ храмѣ и у могилки дочери, на кладбищѣ, гдѣ онъ и пріютился. Тамъ онъ нашелъ себѣ и вѣчный пріютъ.

Въ слѣдующемъ году осенью мнѣ сообщили, что заинтересовавшій меня слѣпецъ скончался. Рано утромъ кладбищенскій сторожъ, придя съ лопатой рыть могилу умершему въ больницѣ бѣдняку, увидѣлъ, что „безсребренникъ“ (какъ его всѣ звали), лежитъ, съжившись, у сосѣдняго холмика, обхва-

тивъ его рукой. Предполагая, что онъ спитъ, сторожъ сталъ толкать его, чтобы онъ подвинулся и освободилъ мѣсто для могилы. Но оказалось, что тотъ уснулъ уже сномъ послѣднимъ. На груди умершаго была найдена истертая фотографія ребенка, его дочери, съ пришитой къ ней запиской, въ которой онъ просилъ похоронить его рядомъ съ безыменной могилкой, у которой найдутъ его тѣло.

Признавая по справедливости эту смерть не внезапной, не скоростижной, а медленнымъ долготѣнимъ умираніемъ постепенно угасавшаго организма, удалось избѣжать тяжелыхъ формальностей и съ подобающимъ благоговѣніемъ предать погребенію тѣло страдальца на мѣстѣ его послѣдняго успокоенія, рядомъ съ дорогимъ ему прахомъ.

Грустно становится при мысли, какими колючими терніями былъ усѣянъ четырнадцатилѣтній путь одинокаго бездомнаго слѣпца, обремененнаго скорбями и недугами. Безспорно, это былъ подвижникъ, обладавшій громадными силою и богатствомъ духа; но, вѣдь, избранники, отмѣченные рукою providѣнія, — явленія исключительныя, а одинокая безпомощная старость съ ея лишеніями и болѣзнями, послѣ долготѣняго труженическаго служенія Богу и ближнимъ, для многихъ и многихъ — бремя очень тяжелое, а иногда и непосильное...

„Блаженъ разумѣвая на нища и убога, въ день лютей избавитъ его Господь“.

Н.

19-е Юля, с. Ратунино.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи
Протоіерей Г. Годневъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Часть официальная. О порядкѣ назначенія пособій нижнимъ воинскимъ чинамъ и ихъ призрѣнія. Епархіальныя распоряженія и извѣстія. Пожертвованія на военныя нужды. Списокъ пенсіонеровъ Эмеритальной кассы духовенства. Списокъ по возврату единовременныхъ пособій, выданныхъ изъ Эмеритальной кассы духовенства. Отъ Совѣта Арзамасской второклассной церковно-приходской школы.

Часть неофициальная. Серафимовскій Домъ Призрѣнія для заштатнаго духовенства. Изъ Епархіальной хроники. Слово къ ревнителямъ двуперстія. Городъ Княгининъ и его храмы. Нижегородская Духовная Семиварія въ 1818—40 гг. „Картинка съ природы“.

Дозволено цензурой. Цензоръ, Инспекторъ Семинаріи
Статск. Сов. *Михаилъ Пальмовъ*.